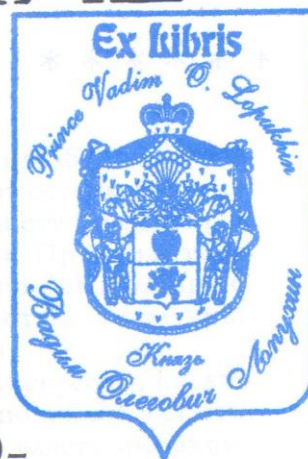


ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНИЕ



ИСТОРИКО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ
№9

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНИЕ
МОСКВА 1998



ПОСЛЕДНЯЯ РУССКАЯ ЦАРИЦА

К 300-летию сведения с Престола
Государыни Евдокии Федоровны



РАГИЧЕСКАЯ ФИГУРА первой жены Царя Петра I Алексеевича Царицы Евдокии Федоровны не раз становилась предметом внимания историков и писателей. И это понятно - последняя Русская Царица (последующие были чужестранками и Императрицами) жила в переломное для нашего Отечества время, когда жесткие руки Государя-Преобразователя ломали старую Русь и созидали новую Россию, когда тяжкие исторические жернова перемалывали судьбы многих и многих людей.

История и историки не были благосклонны к Царице Евдокии Федоровне, и вокруг Ее имени и исторической фигуры было возведено много нелепиц и неправд. Тем важнее сегодня, в 300-летнюю годовщину незаслуженного сведения с Престола последней Русской Царицы, попытаться рассказать о ней правду, основываясь не на исторической традиции и эмоциях, а на документах и свидетельствах Ее современников.

Кто же Она такая?

...30 июня 1670 года в семье стрелецкого головы Иллариона Авраамовича Лопухина родилась дочь Авдотья, которой суждено было стать Русской Царицей Евдокией Федоровной. Не нужно удивляться, что Авдотья Илларионовна превратилась в Евдокию Федоровну - случалось, что Царской Невесте давали и вообще другое имя, чтобы отвести порчу, которая могла тяготить старое. А Авдотья это всего лишь несколько опрошенное Евдокия. По тем же причинам меняли иногда имя и отцу Царской Невесты. А выбор имени Федор для Иллариона Лопухина и вовсе объясняется просто: с этим именем на новую Царскую Родню как бы призывались покровительство и защита Федоровского образа Божией Матери, святыни Дома Романовых, которым Старица Марфа благословила на Царство в марте 1613 года в Ипатьевском монастыре своего сына Михаила Федоровича, первого Царя Династии Романовых.





Вспомним, что Федоровнами становились в Святом Крещении и многие невесты последующих Русских Императоров...

Когда в семье Иллариона Авраамовича случилось прибавление, это стало известно, конечно, всей большой семье. Лопухиных в то время на Государевой службе было много - фамилия насчитывала около тридцати одних мужчин. И не только Илларион Авраамович служил по стрелецким полкам - Лопухиных там знали и уважали. Известны они были и при Государевом Дворе. Словом, Лопухины были «сильными», и в детские годы Авдотьи мало кто из них думал о малышке, которая с няньками и мамками росла в девичьем тереме. Как прошло детство и отрочество будущей Царской Невесты мы точно не знаем, но предполагать можем с достаточными основаниями. Как и всех барышень ее круга - а отец Евдокии делал успешную дворцовую карьеру: из стрелецких полковников стал Стольником, а затем и Окольничим - Авдотью воспитывали в строгих правилах православной веры, в традициях «Домостроя». Конечно, ее учили читать, писать и считать. Книги, попадавшие ей в руки, были духовного содержания, а обучение грамоте шло на основе псалмов, житий святых и праведников. Авдотью научили шить и вышивать - позже она посылала мужу вместе с письмами и свои рукоделия. Когда Авдотья «вошла в возраст», ей наверняка рассказали о ее будущем - жены доброго дворянина и хозяйки его дома...

Рос тем временем и будущий Державный Супруг Авдотьи Лопухиной. Родился Он 30 мая 1672 года и был, следовательно, на два года моложе своей суженой. Жизнь Царя Петра достаточно известна, и мы не будем утомлять читателя ее пересказом. Напомним лишь, что в апреле 1682 года, когда скончался Царь Федор Алексеевич, на царство «выкрикнули» десятилетнего Петра, поскольку его старший брат Иван был «слаб головою». Но уже в мае стрелецкий бунт возвел на Престол сразу обоих братьев - Ивана и Петра и сделал Правительницей Государства Царевну Софью Алексеевну. После этого вдовая Царица Наталья Кирилловна вынуждена была уехать из Кремля и вместе со своим сыном - «вторым Царем» - поселиться в подмосковном Преображенском дворце.

И уже в следующем году одиннадцатилетний Петр начал «играть в потешных», которые со временем стали основой новой русской регулярной армии. Вскоре к потешной пехоте прибавилась потешная артиллерия, стрелявшая настоящими ядрами, и потешный флот на Плещеевом озере. Все больше и больше времени проводил Царь вне дома, в грубой солдатской среде. «Военные забавы» потребовали специальных знаний, которые на Руси того времени были только у чужеземцев, живших в Немецкой слободе на Яузе. Отсюда и первоначальный интерес молодого Петра к иностранцам и к их слободе.





Царица-Мать сокрушалась, видя такую «не царскую» жизнь единственного своего сына и решила «остепенить» его. 27 января 1689 года в Преображенском дворце в небольшой дворцовой церкви во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла протоиерей Меркурий совершил обряд венчания - Царь Петр Алексеевич Романов женился на девице Евдокии Федоровне Лопухиной...

Кстати, это первый случай в Царском Доме, когда был нарушен старинный обычай выбора Царской Невесты. Прежде девиц привозили на Царский смотр чуть ли не со всей Руси, и Царь выбирал будущую Царицу из множества самых лучших, самых знатных и самых красивых. Вдовая Царица Наталья Кирилловна нарушила традицию и сама назвала свою будущую невестку.

Как это случилось и почему? Возможно, мать уже тогда зная необузданное своеволие сына, не очень-то доверяла его выбору. Но главные причины были, конечно, иными. В большинстве исторических сочинений говорится, что Царица выбрала жену сыну «за личную к ней приверженность Лопухиных». Думается, это правда, но не вся. Лопухины были нужны Царице Наталье Кирилловне, не только как верные сторонники, но и как сильный, влиятельный клан, на который она могла опереться. Их давно знали на Москве. Еще при Царе Федоре Иоанновиче один из Лопухиных - Никита Васильевич был в столице стрельцом головой. Его сын Авраам Никитович тоже командовал стрельцами, а потом «вошел в милость» к Царю Алексею Михайловичу - был гостем на Его свадьбе с Натальей Кирилловной Нарышкиной, позже стал дворецким молодой Царицы, а в день крещения Царевича Петра Алексеевича «сидел у Царицы Натальи Кирилловны за поставцом». А в 1675 году «Декабря 25 приходил к Святейшему Патриарху Иоасафу II от Государыни Благоверной Царицы Натальи Кирилловны и от Государынь Царевен с перепечами Думный дворянин Авраам Никитович Лопухин да путный ключник Фед.Протасьев». Перепечи - это сдобный каравай, которым одаривали священников, когда те на Пасху или Рождество ходили с образами по домам славить Господа. Патриарху перепечи от Государей приносили естественно, «в его Крестовую палату». Выполнять такое поручение было весьма почетно.

Еще одно обстоятельство нужно иметь в виду: все дела тогда вершила на Руси Правительница Царевна Софья Алексеевна, опиравшаяся на стрельцкую силу. Лопухины были также тесно связаны со стрельцами.

Не последнюю роль в выборе сыграла и сама Царская Невеста. Она наверняка нравилась Царице Наталье и внешностью своей и нравом. Правда, не всегда, что мило матери, оказывается по душе сыну, но Наталья Кирилловна уж конечно не выбрала бы для своего Петра дурнушку или дурочку. Словом, Царская





Невеста была умна и хороша собою. В.О.Ключевский был не прав, называя ее с самого начала «неумной, суеверной и вздорной», а ее свадьбу с Царем Петром - всего лишь «делом интриги Нарышкиных и Тихона Стрешнева». Некий устойчивый стереотип, сформировавшийся в нашей исторической науке, помешал видному ученому быть объективным. Да и вообще историки и исторические писатели, имена и книги которых вот уже полтора столетия у всех на виду и на слуху, не были беспристрастными, обращаясь к личности Царя-Преобразователя.

Не скажу ничего нового, но напомним, что тем Петром Великим, каким его знает сейчас каждый, первого Всероссийского Императора сделало только XIX столетие. Веком ранее Ему, конечно, отдавали должное, но со многим не соглашались и ужасались способами, которыми достигались его свершения. Видели тогда и вредность стремительной, безоглядной европеизации России. Поэтому дело Петра и оценивали сдержанно. Конечно, официальное отношение к Нему правительства было иным. Императрица Анна Иоанновна, вкусившая «прелести Европы» на ее курляндских задворках, не хотела изменить прозападный курс. Этого нельзя было ожидать от дочери Петра Императрицы Елизаветы Петровны и уж, конечно, от Ангальт-Цербстской принцессы, Императрицы Екатерины II, которой было лестно поставить свое имя на постаменте известного памятника рядом с именем первого Императора. Но общественное мнение и народная память еще хранили тогда свое нелюбезное суждение о петровских временах - об этом свидетельствуют и архивы, и мемуары, и фольклор.

А в XIX столетии, особенно после европейского похода Императора Александра Благословенного, пришло увлечение Европой, а затем, с ростом так называемой либеральной интеллигенции с ее «всечеловеческими» симпатиями, русское мыслящее общество вообще повернулось лицом к Западу и стало видеть в нем идеал будущего России. В таких условиях оценка деятельности яркого прозападника Царя Петра Алексеевича должна была стать безоговорочно положительной. Такой она и стала. И, как следствие, стало восприниматься однозначно отрицательным, ретроградным и мешающим прогрессу все, что Царю Петру противостояло.

Апофеозом восторженного восхваления дела и личности Царя-Преобразователя стало 200-летие со дня Его рождения, которое широко отмечалось в России в 1872 году. Тогда-то в Москве и состоялись ставшие знаменитыми «Публичные чтения о Петре Великом» профессора русской истории С.М.Соловьева. Они проходили в Большом (Колонном) зале Московского Благородного Собрания более трех месяцев, собрали тысячную аудиторию и стали, как сказали бы многие сегодня, «популяр-





нейшим шоу» своего времени. Позже текст «Чтений» не раз издавался и отдельными книгами и в исторических сборниках. После этих «чтений» любого, кто усомнился бы в абсолютном величии первого Русского Императора, образно говоря, «побили бы камнями»...

Отсюда - и дружные отрицательные суждения русских либеральных историков о Царице Евдокии Федоровне: она не была с Петром, Петр удалил ее от себя - следовательно она плоха. Ни С.М.Соловьев, ни В.О.Ключевский, ни С.Ф.Платонов, как и многие другие, не удержались от того, чтобы не сказать или не написать о последней Русской Царице что-либо нелестное, а то и просто худое.

...Но вернемся к юной Царственной Чете, жившей с 1689 года в Преображенском дворце под бдительным оком вдовой Царицы. Конечно, Петр и Евдокия были очень разными людьми. Начнем с того, что женщина в 18 лет - вполне зрелый человек, а мужчина в 16 - в значительной степени еще мальчик. Возможно, в поведении Царицы Евдокии проскальзывали нотки материнской заботы о муже, что могло ему не нравиться. Возможно, она скучала, когда Петр рассказывал о своих «потешных», о постройке кораблей, и он с досадой замечал это. Почти наверняка молодую Царицу раздражали грубость манер и речи, приобретенные Петром Алексеевичем в солдатской среде. Возможно, Царица Евдокия по просьбе свекрови пыталась увещевать юного Царя, отвращать его от любезных его сердцу дел, и он воспринимал это, как покушение на свою свободу...

Наверное, все это было, как бывает во многих молодых семьях. Но нет никаких оснований считать, что Царь с самого начала тяготился своим домом и своей семьей. И если первые годы супружества были не безоблачными, то вполне обычными для своего времени. Царь Петр часто уезжал, но так поступали все молодые дворяне. И из домов их гнала вовсе не неприязнь к семьям, а обязательная служба Государю. Нет сомнений, что и Петр ощущал себя на службе России. Бытующее мнение, будто Царь Петр с самого начала избегал дома, чтобы не быть рядом с женой, явно позднейшего происхождения. Эту выдумку опровергает, кстати, и переписка молодых супругов, где встречаются и заботливые слова, и ласковые прозвища, и сетования на разлуку... Какие основания считать их лицемерием и ложью?

18 февраля 1690 года Царица Евдокия Федоровна родила сына Алексея, названного по просьбе вдовой Царицы в честь Деда, Царя Алексея Михайловича. Шумных празднеств по этому случаю не было, Государь был занят - справлялся с бунтовщиками. А потом поехал в Переяславль, где строились тогда корабли.

«Государю моему радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, свет мой, на множество лет! Просим милости, по-





Царица Евдокия Федоровна.

*С портрета Бореля, находившегося в Романовской галерее.
Конец 20-х годов XVIII столетия.*

жалуй, государь буди к нам из Переяславля не замешкав. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челом бьет...»

«Лапушка мой, здравствуй на множество лет! Да милости у тебя прошу, как ты позволишь ли мне к тебе быть?.. И ты пожалуй о том, лапушка мой, отпиши. За сим женка твоя челом бьет».





Не позвал к себе Царь Петр жену, как она просила, в свой переяславский лагерь, но сам был в Преображенском уже в начале апреля. И в конце месяца впервые побывал в Немецкой слободе. Связи с ней у Царя и прежде бывали регулярными, но сам Петр Алексеевич пожаловал туда лично лишь 30 апреля, навестив дом генерала Гордона.

Известно, что в Немецкой слободе Царю понравилось все, потому что было не похоже на привычное, на то, что видел в Москве, в других русских городах. Любовь к иностранному осталась отличительной чертой личности, политики и дела Царя Петра на всю Его жизнь.

С этого времени Царь особенно сблизился с Францем Лефортом. В семейной жизни Петра Алексеевича этот человек сыграл зловещую роль. Поэтому придется рассказать о нем подробнее. Франц Яковлевич Лефорт родился в 1656 году в Женеве в семье торговца, желавшего, чтобы сын продолжил его дело. Но того влекли военная служба и «охота к перемене мест». Наемный солдат сначала в Голландии, а потом в России – таков его послужной список. 1678-м годом датирован Царский указ: «Принять в службу иноземца Франца Лефорта с чином капитана...». Так 22-летний Лефорт стал офицером одного из многих русских полков иноземного строя, которые завел в России Царь Алексей Михайлович. Лефорт участвовал в кампании против турок 1679-80 годов, в несчастных крымских походах 1687-89 годов. Вообще же слыл человеком легким, жуиром и мастером устраивать разные забавы. К началу их дружбы наемному вояке было тридцать пять, юному Монарху – восемнадцать. Многоопытный швейцарец сумел привязать к себе Царя и скоро стал Его любимцем. Ушлый Франц устраивал для Петра Алексеевича то небывалую потеху, то веселый пир, то встречу с полезным чужестранцем, то новое знакомство в девицей, «приятной во всех отношениях». По мнению современников, чуть ли не все беспутства юного Царя совершались тогда под влиянием и с участием Лефорта.

Вот отзыв о нем хорошо знавшего его человека, князя Б.И.Куракина: «Лефорт был человек забавный и роскошный или назвать дебошан французский. Он непрестанно давал у себя обеды, супе и балы. И тут, в его доме первое начало учинилось, что Его Царское Величество начал с дамами иноземными обходиться, и амур первый начал быть к одной дочери купеческой... Тут же в доме началось дебошанство, пьянство так великое, что невозможно описать».

Все это происходило сначала в просторном и богатом доме Лефорта в Немецкой слободе, а позже в роскошном по тем временам лефортовском дворце, построенном, как утверждают историки, на царские деньги и подаренном Петром его любимцу. Здание это и теперь стоит в московском районе, называемом





Лефортовом (вошел-таки в историю Москвы швейцарский наемник), на улице с экзотическим для столицы названием Коровий Брод.

Вот этот Лефорт и свел Царя Петра с молодой и хорошенькой немкой из слободы Анной Монс. Судя по всему, Царь серьезно влюбился в нее и, естественно, охладел к жене. То разгораясь, то затухая на время длительных отлучек Петра, этот роман с Монс продолжался долго, до 1703 года. Уже не было на этом свете Царицы Натальи Кирилловны, уже не было в Москве сосланной в монастырь Царицы Евдокии Федоровны, уже не было умершего в 1699 году Лефорта, когда в кармане случайно утонувшего саксонского посланника Кенигсена были найдены любовные письма, написанные ему Анной Монс. Такого Царя, конечно, не простил.

Как свидетельствуют биографы Петра I, знакомство с Анной Монс произошло в 1692 году. Но при жизни матери молодой Царь еще сдерживал свои порывы. После Ее кончины в 1694 году преград не осталось. Но и тогда, и еще несколько лет после этого, Царица Евдокия Федоровна вместе с сыном Алексеем жила во дворце и оставалась Русской Государыней, хоть и оставленной вниманием Державного Мужа. Но сердце Петра, его нечастое свободное время, его внимание целиком принадлежали уже обольстительной Анне.

«Кто же и что была эта Монс? Любила ли она Петра? Нашел ли он в ней верное, искреннее, понимающее сердце?», - вопрошал в своем сочинении, посвященном тому времени, историк Н.И. Костомаров. И сам же отвечал - «Ничуть не бывало. Это был тип женщины легкого поведения, обладавшей наружным лоском, тем кокетством, которое кажется отсутствием всякого кокетства и способно обворожить пылкого человека, но само по себе заключает неспособность любить никого и ничего, кроме суеты и блеска житейской обстановки. Анна Монс не любила Петра и, приобретши уже до знакомства с ним опытность в амурных делах, завела после связь с саксонским министром Кенигсеном... Петру открылась измена; тогда Анна являлась перед Царем и запиралась самым пошлым образом, пока не была уличена вещественными признаками обмана. На такую-то женщину променял Петр свою законную жену, Царицу Евдокию, мать Наследника Престола Алексея».

Возвращаясь, однако, ко времени до знакомства с Анной Монс, семейную жизнь Царя Петра нельзя считать неудавшейся. Есть свидетельства, что в Царской Семье спустя полтора года родился еще один мальчик - Александр, который умер менее чем через год. И это, кстати, зафиксировала «опись прихожих» к Святейшему Патриарху: «1691 года, октября 3 в третьем часу ночи в исходе от Великого Государя Царя Петра Алексеевича по рождению сына его Государя Царевича Александра Петровича





приезжал со здоровьем из походу из села Преображенского боярин Федор Авраамович Лопухин». Как видно из этой записи, Царь прислал к Патриарху с радостным известием своего тестя, дедушку новорожденного...

Но надо признать, что «воинские потехи» у Царя и тогда были на первом месте. В том же октябре 1691 года был, как утверждают документы, «великий и страшный бой у генералиссимуса Ф.Ромодановского, у которого был стольный град Пресбург. Рейтары ротмистра Петра Алексеева отличились...». Конечно, интересы молодого Царя лежали вне дома, и все время, годное для «Марсовых и Нептуновых потех», он проводит далеко от Москвы и от жены. Но так же поступали тогда и вельможи, и рядовые дворяне.

У нас нет оснований считать, что Царица Евдокия Федоровна считала отлучки Державного Супруга признаками недоброго лично к себе отношения. Но, узнав об Анне Монс, страдала глубоко и сильно. Молодая Царица еще надеялась на лучшее и наверняка жаловалась свекрови. Перед обольстительницей, однако, оказалась бессильной и вдовая Государыня. Возможно, она умерла от горя, узнав о прелюбодеянии своего единственного сына.

А молодая Царица все надеялась и ждала, ждала и надеялась. Не горькими и заслуженными упреками, но истинной любовью проникнуты Ее письма к мужу того времени, адресованные теперь уже в Архангельск.

«Предражайшему моему государю-радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой свет, на многие лета! Пожалуй, батюшка мой, не презри, свет, моего прошения: отпиши, батюшка мой, ко мне о здравии своем, чтобы мне, слыша о твоём здоровье, радоваться. А сестра твоя Наталья Алексеевна в добром здоровье. А про нас изволишь милостию своею непамятовать, и я с Алешенькой жива. Женка твоя Дунька».

В другом письме она пишет, что очень хочет видеть «пресветлые очи света моего и радости до скончания дней». Но ответа все нет и нет. И в письмах появляются упреки, но какие ласковые сами по себе...

«Предражайшему моему государю, свету радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой батюшка, на множество лет! Прошу у тебя, свет мой, милости, обрадуй меня, батюшка, отпиши, свет мой, о здоровье своем, чтобы мне бедной в печалех моих порадоваться. Как ты, свет мой, изволил пойти и ко мне не пожаловал, не отписал о здоровье ни единой весточки. Только я бедная, на свете несчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровье своем. Не презри, свет мой, моего прошения. А сестра твоя царевна Наталья Алексеевна в добром здравии. Отпишь, радость моя, ко мне, когда изволишь быть...».

Ощущение надвигающейся беды появилось у Царицы



Евдокии Федоровны, видимо, в 1695-1696 годах, когда стала заметной неприязнь между Царем Петром Алексеевичем и родичами Царицы, занимавшими тогда ключевые государственные посты. Конечно, Лопухины не скрывали недовольства пренебрежением, которое Царь являл Царице, их родственнице. Петрово окружение, надо думать, не без удовольствия наущничало Петру и настраивало Его против Лопухиных. Пошли в ход и ложные доносы. По одному из них в 1695 году Царь лично пытал привезенного в застенки дядю Царицы боярина Петра Авраамовича Большого. Не помогло то, что этот боярин был всеми любим и уважаем, что во время бунта стрельцов в 1682 году он, будучи стрелецким полковником, первым привел свой полк на защиту Царицы Натальи Кирилловны и еще маленького Царя Петра и может быть спас Его. Истерзанного боярина, не найдя никакой вины его, Царь все же выслал в его деревню.

Грозные признаки грядущей опалы встали перед несчастной Царицей в 1697 году. Открылся заговор против Царя, в котором участвовали Соковнин, Пушкин, Цыклер и другие. Подозрение в участии пало и на Лопухиных. И хотя вина родичей Царицы в ходе страшного розыска не была ни подтверждена, ни доказана, на них обрушились опалы. Отец Царицы Евдокии ближний боярин Федор Авраамович Лопухин был выслан из Москвы с приказанием «жить в деревни до указа», а потом отправлен воеводою в глухую Тотьму. Подвергся опале родной брат Царицы Авраам Федорович, который позволил себе схватиться по какому-то поводу в Лефортом. Дядю Ее боярина Василия Авраамовича Лопухина послали воеводой в Шаронду, второго дядю боярина Сергея Авраамовича - в Вязьму.

В том же году Царь, даже не простившись с женою, отправился в заграничное путешествие. В Его отсутствие явились Ей и живые вестники несчастья - бояре Нарышкин и Стрешнев. По поручению и от имени Царя они уговаривали Царицу добровольно уйти в монастырь. Она наотрез отказалась.

В 1698 году Царь Петр Алексеевич возвратился в Москву ранее ожидаемого - его привели в столицу известия о стрелецком бунте, полученные Им еще в Вене. 25 августа Он въехал в Москву, повидался с Монс в Немецкой слободе, но к жене так и не зашел. Встретились Царь и Царица только через неделю, и то не во дворце, а в доме дьяка Винуса. Современники утверждали, что разговор длился четыре часа, но Петр лишь подтвердил свое решение удалить жену в монастырь. Она снова отказалась сделать это добровольно, не чувствуя за собой ровно никакой вины.

Однако, Царь настойчив - во второй половине сентября у Царицы Евдокии Федоровны насильно отобрали сына Алексея. Мальчику было уже восемь лет, и он, без сомнения, на всю свою





недолгую жизнь запомнил эту сцену и вопли несчастной матери своей, когда ребенка буквально вырывали из Ее рук. А 25 сентября к дворцовому крыльцу подали крытую повозку, запряженную парой лошадей, и отвергнутую супругу увезли в Суздаль, в Покровский девичий монастырь...

«Чем заслужила она заточение? В чем провинилась? - писал в прошлом веке Казимир Валишевский в своем историческом портрете «Петр Великий. Воспитание и личность». - Никто не мог даже подозревать, что она могла участвовать в политических интригах, в которых были замешаны Царевна Софья Алексеевна и ее сестры. К восстанию стрельцов, которое Петр намеревался тогда потопить в море крови, она была непричастна. Но Петр был непоколебим в своем решении. Правда, у него не хватало улик для обвинения Евдокии в чем бы то ни было, но он обошелся и без них. С гневом отталкивает он вмешательство Патриарха в пользу законного брака, и после трехнедельных размышлений разрубает узел...».

И лишь через 20 лет в Манифесте от 5 марта 1718 года, когда в связи с «делом» Царевича Алексея Петровича несчастную Царицу привезли в Москву, чтобы вырвать у Нее нужные Царю показания, будет впервые сказано, за что два десятилетия назад Она была сведена с Престола и заточена в монастырь. Сохранился оригинал Манифеста, в который Царь Петр Алексеевич собственноручно вписал это обвинение - «за некоторые ее противности и подозрения» ...И все!

О том, что в 1698 году Царь руководствовался, решая участь жены, более чувствами, нежели разумом, говорит и такой факт. Русской Царице и Матери Наследника Престола ее Августейший Супруг не пожелал назначить от казны вовсе никакого содержания. Откровенные противники Царя, злоумышления которых против Него были доказаны, получали из дворца немалое довольствие. Царевна Софья, например, став в Новодевичьем монастыре инокиней Сусанной, получила в 1700 году, согласно записям в разметной книге, хлеба, рыбы, овощей, квасу, разных вин и пряностей на 5 144 рубля - огромную по тем временам сумму. Ее сестра Царевна Марфа (инокиня Маргарита) - на 2650 рублей. А Царице Евдокии (инокине Елене), чтобы не умереть от голода, пришлось просить родных прислать съестных припасов и вина.

«Хоть сама и не пью, так было бы, чем людей жаловать, - писала Она в том же 1700 году брату Аврааму Федоровичу. - Рыбы с духами пришли и всячины присылай, здесь ведь ничего нет: все гнилое. Хоть я вам и прескушна, да что же делать? Покаместь жива, пожалуйста, поите да кормите, да одевайте нищую».

Трудно писать о годах, проведенных Царицей в Суздальском Покровском монастыре. Конечно, монастырь - место





святое, в нем не может быть плохо, но Евдокия Федоровна была там не по своей воле, была фактически заточена, и у нее не могло быть должного отношения к монастырским тишине и покою. Для нее это были бесконечные дни, недели и месяцы, проведенные в воспоминаниях о счастливых днях, в раздумьях, в сетованиях на судьбу... Благодаря родным и друзьям, которых у Нее оказалось немало, опальная Царица узнавала кое-что о жизни сына, о событиях, волновавших страну. Она даже получала письма от Алексея - Он не забывал своей матери, и несколько раз пытался завести разговор о Ней с грозным отцом. Но Царь отвечал коротко: «Она для тебя умерла...».

Однажды Царевич даже навестил несчастную изгнанницу. Поездка готовилась и совершилась в глубокой тайне. Евдокия Федоровна увидела сына после восьмилетней разлуки. У нее отняли 8-летнего мальчика, а теперь перед ней стоял 16-летний юноша. О чем говорили Они, не знает никто, но известно, что Царица благословила Сына небольшим образом Божией Матери, который Он увез с собой и перед которым часто со слезами молился. По возвращении в Москву Царевич узнал, что тайну сохранить не удалось. О встрече Его с матерью узнала тетка Царевна Наталья Алексеевна, а от нее и сам Царь. Разразилась гроза! Петр, находившийся тогда с войском в Польше, срочно вызвал Царевича к себе, в Жолкву. Можно представить себе, что пришлось выслушать Сыну от Отца...

Вскоре, в 1709 году в Суздале случилось событие, которое сыграло немалую роль в судьбе опальной Царицы. В город «для рекрутского набора» приехал генерал-майор Степан Богданович Глебов. Глебовы - старый московский род. Как и Лопухины, они начальствовали в стрелецких полках, как и Лопухины, делали дворцовую карьеру, хотя, конечно, не могли ровняться с Царской родней ни знатностью, ни чинами, ни богатством. Были, однако, соседями, хоть дома их и относились к разным церковным приходам. Один из Глебовых стольник Леонтий в 1691 году по благословению Патриарха женился на дочери Думного дворянина Ивана Савелова. А другой, Степан делал успешную карьеру в новых солдатских полках Царя Петра. Его то и забросила военная служба в Суздаль. Прибытие в тихий городок Государева человека, да еще в генеральском чине не могло остаться незамеченным. Наверняка узнали о его приезде и в Покровском монастыре...

Во всех исторических сочинениях дальнейшее описывается сходно: встретила де опальная Царица хорошего человека и полюбила его, и отдалась ему со всей силой нерастратченных чувств... О том же говорят и документы - письма Евдокии Федоровны к Глебову, найденные у него при розыске, «пытошные листы» Степана Богдановича, в которых истерзанный генерал признается, что «сошелся с ней в любовь и жил с ней блудно», и





собственноручное признание: «Я, бывшая Царица старица Елена привожена на Генеральный двор и с Степаном Глебовым на этой ставке показала, что я с ним блудно жила, как он был у рекрутского набору...», и показания разных свидетелей...

Документы несомненно подлинные... И все-таки... Не верится во все это, хоть и нет доказательств обратного. А может быть и есть они, только в совсем другой сфере надо их искать!

Попробуем представить себе систему взглядов и ценностей тогдашнего русского человека, принадлежащего к традиционному обществу, и поставим себя на место сначала Степана Богдановича Глебова. Сорокалетний генерал влюбился до беспамятства в жену своего Царя, да так, что забыл и ее положение, и ангельский чин? Не верится... Польстился на соблазнительную женщину? Такое вполне возможно, если бы речь шла о другой женщине. Но в нашем случае Глебов знал и о десятках глаз, которые за ними наблюдают, и о хорошо налаженной системе доносов и сыска, и о крутом нраве Царя Петра - генерал ни на минуту не мог сомневаться, что тем самым подписывает себе смертный приговор. Сомневаюсь, чтобы он решился на это... Еще один вариант: он решил рискнуть в расчете на скорую смерть Царя, на воцарение Наследника и возвращение Его матери в Кремль. В таком случае, генерал мог бы вознестись! Но как эфемерна надежда, как безумен риск и как страшен проигрыш! Нет, на такое мог бы пойти отчаявшийся капрал или романтический поручик вроде Мировича, но никак не генерал, имеющий за плечами 25 лет Государевой службы. И, наконец, православного не могло не остановить то, что перед ним была... старица Елена. Вот и получается, что Глебов, будучи в здравом уме, просто не мог пойти на «блудную связь» с суздальской монахиней.

Теперь обратимся к бывшей Царице. И для Нее не мог быть легко преодолимым монашеский обет, пусть и не добровольно данный. Не забудем и о положении Царицы в допетровском обществе, а Она принадлежала именно к нему. Само звание Русской Царицы было тогда вознесенным на такую высоту, что иные и глаз поднять на Нее не смели. Евдокия Федоровна безусловно знала это и понимала ни с чем на Руси не сравнимое величие своего Царского звания. Наверняка Она надеялась, что Ее Алешенька вступит на Престол еще при Ее жизни и что Она вернется в Царский дворец - могла ли Она пошлой связью пятнать свое имя! К тому же постоянный надзор... И монашеская мантия, и Царственное самосознания и элементарная осторожность не могли позволить Ей до такой степени увлечься пусть и любезным ее сердцу красавцем Глебовым...

Нет, не было такого в жизни опальной Царицы. Уверен, что Она не могла даже в заточении пошло «сойтись с генералом»,





потому что в собственных глазах продолжала оставаться Русской Царицей, матерью Наследника Российского Царства и Великой Старицей, подобно известной инокине Марфе, родительнице первого Царя из Дома Романовых.

Откуда же письма, показания свидетелей и «чистосердечные признания»? Мы, русские XX столетия, прекрасно знаем, как добываются и фабрикуются подобные «документы». И не надо считать ВЧК, ОГПУ и НКВД первыми среди подобного рода учреждений на Руси!

Но почему тогда обвинение в «блуде», а не в «государственной измене», что было бы логичнее - Царица стремится к власти и интригует против Царя в пользу Сына. Да потому, что для этого не нашлось не только оснований - их и не могло быть! - но и простого повода. А вот встречи бывшей Царицы с Глебовым в Суздале были! Нетрудно понять и откуда взялась «блудная версия». Ближайшее окружение Царя Петра в то время погрязло в блуде, он стал для них настолько обычным делом, что они просто не могли себе представить, что мужчина и женщина могут уединиться с иными целями... Разумеется, не сам Царь был автором «блудной версии». Убежден, что Он был обманут услужливыми подручными, которые преследовали свои собственные цели. В окружении Царя Петра Алексеевича было, к сожалению, достаточно лично заинтересованных негодяев, способных возвести на опальную Царицу любую напраслину.

Итак, что же случилось в Суздале в 1709 году? Узнав о приезде в город Степана Богдановича Глебова, которого Она скорее всего знала по прежней московской жизни, несчастная Евдокия Федоровна сама послала за ним, чтобы узнать о новостях. Конечно, они беседовали без свидетелей - зачем они им? В следующий приезд по делам службы Глебов, возможно, и сам пришел к бывшей Царице - и с новостями, и с гостинцами, а может быть и с письмами от Ее близких. Ничего большего не было и быть не могло!

Показательно, что обвинение в блуде против бывшей Царицы возникло лишь в 1718 году, когда известный П.А.Толстой уже привез из заграницы сбежавшего туда от Отца Царевича Алексея. Было ясно, что Царевич будет обвинен. Это радовало и новую жену Царя Екатерину Алексеевну, и Меншикова, и многих других, которые как огня боялись воцарения Алексея Петровича и возвращения из ссылки Его Матери Царицы Евдокии. И, когда возникла реальная возможность уничтожить Царевича, было так соблазнительно навсегда устранить заодно и бывшую Царицу!

«Дело» старицы Елены «рассматривалось» в Москве, в страшном Преображенском приказе. Царевича и его сторонников допрашивали и пытали в Петербургской Петропавловской крепости. Судьба несчастных была решена с интервалом в





несколько месяцев. 15 марта 1718 года Царь Петр Алексеевич чинил на Красной площади Москвы кровавую расправу над друзьями бывшей Царицы и теми, кто был обвинен по Ее делу. На Лобном месте были колесованы и приняли лютую смерть многие. Самую жуткую казнь Царь назначил мнимому соблазнителю своей жены. Командира Преображенского полка генерала Степана Богдановича Глебова посадили на железный кол, а поскольку дни стояли морозные, укутали теплыми шубами, чтобы не замерз и дольше мучился... Только к концу следующего дня отдал он Богу свою душу.

Потом пришла пора Царевича Алексея. Его сторонников и его самого допрашивали и пытали, и снова лилась кровь и стонали жертвы палачей. Царевич Алексей Петрович преставился 26 июня.

...Нет смысла останавливать внимание читателей на трагедии Царевича, о ней много написано, она стала предметом внимания и историков, и писателей, и художников. Но глубокие корни страшного разлада между Отцом и Сыном, который привел к гибели Наследника Российского Престола, лежат в тех самых событиях, о которых мы вели речь на этих страницах. Поэтому совсем обойти стороной драму Царевича Алексея Петровича здесь невозможно.

Известно, что он рос сообразительным и чувствительным мальчиком. Уже в ранние годы не мог не видеть слез брошенной матери, не мог не слышать сетований на Ее судьбу если не от самой Царицы - Она вряд ли говорила об этом с сыном - то от многочисленных окружавших Ее женщин.

Восьми лет Алексея силой оторвали от матери, лишили привычного окружения, привычной заботы и распорядка с неизменными церковными службами и с обязательными прогулками в Верхних Кремлевских садах. Из тех самых Теремов, которые и сегодня может видеть посетитель Большого Кремлевского дворца, Царевича перевезли в новый Потешный дворец села Преображенского. Рядом был экзерциц-плац с постоянной барабанной дробью и выкриками команд, за ним - Сокольничье поле с пушками, пирамидками ядер и треском ружейной пальбы, а совсем близко, у самого дворца - избы Преображенского приказа - Тайной Канцелярии Петровского времени... Мир, так любезный сердцу Царя Петра, и так чуждый Его Сыну. Так никогда и не привыкнет к бивуачному солдатскому житью Царевич Алексей Петрович.

У Царя Петра Алексеевича, надо полагать, были самые добрые намерения воспитать Наследника должным образом. Известному ученому немцу барону Гюйссену была заказана программа обучения Алексея, он представил Царю «Methodus instructionis», в котором было подробно расписано, как, чему и когда следует учить мальчика. Но самому Царю был недосуг





заниматься Сыном, мать Его была в монастыре и практическое руководство подростком поручили случайному немцу Нейбауэру, для которого вершиною наук было «Юности честное зерцало».

Воспитание Наследника явно не удавалось, в Нем все более и более укоренялись ощущения брошенности, ненужности. Они, видимо, усилились, когда в 13 лет Отец записал Его солдатом бомбардирской роты Преображенского полка и взял в поход под Нотебург. Ладога, Ямбург, Копорье, Нарва - в этих местах кочует Он с войском в обозе и очевидно чувствует себя лишним - среди грязи и крови, мерзости и ужасов военного похода. И Отца Он почти не видит - не до него!

И в десять, и в двенадцать, и тем более в пятнадцать лет Он прекрасно понимал и свое положение Наследника Престола, и несправедливость, жестокость Его Отца к Матери, тем более, что изредка получал через верных людей от Нее письма...

«Царевич Алексей Петрович здравствуй! А я бедная, в печалях своих еле жива, что ты, мой батюшка, меня покинул, что в печалях меня оставил... А я тебя ради по сие число жива... Не ведаю, за что мучаюсь. А я же тебя не забыла, всегда молюсь за здоровье твое Пресвятой Богородице, чтобы Она сохранила тебя и во всякой бы чистоте соблюдала...». И сама собою, с закономерной неизбежностью росла в сердце Сына сначала неприязнь к Отцу, а затем возможно, и злоба, и ненависть. Царь Петр Алексеевич сам посеял в душе своего Наследника недобрые семена и пожинал лишь плоды рук своих.

Собственно, произошло то же самое, что случается во многих неблагополучных семьях, где родители пренебрегают своими обязанностями по отношению к детям или просто не думают о них. Наш случай отличался от других в личном плане лишь тем, что отец, бросивший жену и отобравший у нее ребенка, был Русским Царем, брошенная жена - Русской Царицей, а ребенок, сначала морально изуродованный, а затем и погубленный - Царевичем, который по воле Отца так и не стал Царем...

В нашем случае, однако, все усугублялось дополнительными обстоятельствами, суть которых была в том, что Сын не соглашался со многими действиями и поступками Отца уже не личного характера. Это был протест не сына уже, но гражданина и подданного. Проявилось это, когда Царевич стал постарше, и мы более подробно поговорим обо всем этом в другом очерке, специально посвященном взаимным отношениям и взаимным обидам Царя Петра и Царевича Алексея.

Пока же ограничимся напоминанием, что такого рода трагедия, к сожалению, случилась тогда на Российском Престоле не впервые. Царь Иван IV Васильевич Грозный убил своего сына Ивана, и через одно поколение пресекся род Московских Рюриковичей. Царь Петр I Алексеевич убил своего Сына





Алексея, и через одно поколение пресекся Царский род Романовых по прямой мужской линии - сын несчастного Царевича Император Петр II стал в ней последним. И если после смерти Царя Федора Иоанновича на Руси началась калейдоскопическая смена Царей, которая закончилась Великой Смутой, то после Императора Петра II началась череда дворцовых переворотов, целое столетие потрясавших Россию.

Воистину - велика и страшна ответственность Самодержцев, велик и страшен гнев Божий, который обрушивается на Тех, кто преступает Законы Его!

Вернемся, однако, в 1718 год, когда преставился несчастный Царевич Алексей, а Его страдалицу-мать препроводили в Старую Ладугу и поместили там в Успенский монастырь под строжайший надзор. Сторожили Царицу надежно. Старая Ладога, как и Петербург, входили в Ингерманландскую губернию, а губернатором ее был Меншиков, который лично инструктировал офицера, капитана Маслова, отправленного со своей командой для надзора за Царицей.

Опальная Евдокия Федоровна провела в этой новой и еще более жесткой неволе долгие семь лет. Лишь после смерти Петра Алексеевича, который стал за эти годы и Отцом Отечества, и Великим и первым Императором Всероссийским, за бывшей Царицей приехали. Но не для того, чтобы облегчить ее участь. Напротив, старицу Елену в «секретном темном возке» отвезли в Шлиссельбургскую крепость - самую страшную государственную тюрьму России - и бросили там в подземную темницу...

Ясно, по чьему приказу это было сделано - судьбами России распоряжались тогда два человека: Императрица Екатерина I и все тот же Меншиков. В то время оба они еще больше, чем прежде, боялись возвращения из ссылки Царицы Евдокии Федоровны, поскольку единственным наследником Престола стал Ее внук Петр Алексеевич, сын несчастного Царевича Алексея.

Но прошло еще два года, и все в жизни старицы Елены неожиданно переменилось: на пороге камеры ее, полной крыс, появились люди в богатых одеждах, низко кланяясь и называя «Величеством», они провели ее в специально подготовленные для нее теплые и красивые комнаты, а потом, дав отдохнуть, повезли в Москву. Бывшая Царица узнала, что на Всероссийский Престол вступил ее внук Император Петр II Алексеевич.

Все, однако, было не так просто: бабушку юного Государя приказал перевезти из Шлиссельбурга в московский Новодевичий монастырь все тот же Меншиков, который считал опасным для себя оставлять Ее в далекой крепости. Уже после падения временщика старица Елена писала своему Царственному Внуку: «Хотя давно желание мое было не только поздравить Ваше Величество с восшествием на Престол, но по несчастью





моему по се число не сподобилась, понеже князь Меншиков, не допуская до Вашего Величества, послал меня за караулом к Москве».

Караул этот был снят только после опалы Меншикова, и старица Елена переехала из Новодевичьего в Вознесенский девичий монастырь в Кремле, где жила в богатстве и почете, окруженная множеством прислужниц.

После ссылки Меншикова Император повелел составить специальный Манифест о многочисленных винах его и первой из восьми главных провинностей бывшего любимца Петра значился произвол и насилие, учиненное им над особами Царского Дома - Им самим, Императором Петром и бабушкой Его Царицей Евдокией Федоровной. Манифест этот по каким-то причинам не был опубликован и до сих пор хранится в архиве.

Кроме того, юный Царь поспешил восстановить доброе имя Отца своего Алексея Петровича. Он объявил ложными все против него выдвинутые обвинения и недействительными все относящиеся к нему распоряжения. Манифесты и другие бумаги, касающиеся преследований Его Отца и Бабки, повелел вернуть в Петербург и там уничтожить, чтобы не сохранилась сама память об учиненных несправедливостях.

... Вернемся же к Царице Евдокии. Для нее богатые одежды, серебряная посуда, ларчик от внука с тысячей серебряных рублей, слуги, экипаж шестериком - все это было словно из иной, давно забытой ею прежней жизни. Она жила открыто, и сановные посетители наперебой спешили навестить старицу и заверить ее в своей преданности... Но теперь она лучше знала цену таким заверениям. В Вознесенском монастыре старица Елена прожила несколько месяцев, ожидая приезда из Петербурга внука своего, который ожидался в Первопрестольную для Священного Коронования.

Вот что пишет об этом событии Посол Испании при тогдашнем Российском Дворе герцог де Лири или просто герцог Лирийский, как называли его в России.

«Царь приехал в Москву 30 января, но не въезжал еще торжественно по причине простуды, которая причинила ему боль в гуди. Его Величество остановился в загородном доме в 7 верстах от Москвы. Царь немедленно по приезде своем отправился инкогнито к своей бабке, которая жила в одном монастыре и никогда еще не видела его... Таким образом, Петр приехал к ней, но она чем-то ему не понравилась, и потому он к ней не имел доверенности, хоть она и ласкалась этой надеждою по причине большого ее желанья властвовать. Несмотря, однако же на это, он назначил ей на содержание по 60 тысяч рублей в год и отвел ей комнаты во дворце с службою. Когда я видел ее, она была уже старухою, но меня уверяли, что она была отличной красоты».





Довольно подробно рассказывает об этом историк Н.И. Костомаров, хотя сразу же признает: «У нас нет достаточно подробных сведений о первом свидании Царственных внучат со своею бабушкою, старою Царицею-инокинею, но по некоторым данным видно, что оно происходило не очень сердечно. Великая Княжна Наталья (сестра Императора Петра II - ред.), любившая все иноземное, не хотела беседовать со старухою наедине, но при свидании с нею взяла с собою тетку Цесаревну Елизавету. Это сделано было для того, чтобы не заводила бабушка речей, о которых слушать и толковать внучке было неловко. Как встретился с бабкою Царь, не знаем, но известно то, что в заседании Верховного Тайного Совета, переехавшего за Царем в Москву, Царь предложил назначить своей бабке Царице содержание, приличное ее высокому сану, и Верховный Тайный Совет ассигновал ей в год шестьдесят тысяч рублей и, кроме того, постановил приписать ей волость в две тысячи дворов и на ее домашний обиход определить придворный штат».

Через тридцать лет после опалы своей Царица Евдокия Федоровна снова оказалась в центре внимания и интриг придворной знати. Скорее всего, ее огорчало то, что она не получила при Дворе Внука того веса и влияния, на которые рассчитывала. А о том, что такое могло случиться, знала не только она, об этом свидетельствует и переписка многих влиятельных людей того времени. Известно, например, что к Царице много писал «хитрый лис» барон Остерман, рассчитывая обрести в ней союзницу. Известно и письмо герцога Лирийского своему шефу маркизу де ла Паз в Мадрид: «Нет сомнения, чтобы она (Царица Евдокия - ред.) не получила большого веса в правлении, когда Двор приедет в Москву...». Такого рода опасения были в те дни у многих, кто не без трепета ждал появления в Первопрестольной юного Императора и Его встречи с Бабкой.

Как эти опасения, так и надежды не оправдались. Уже первая встреча с внуком насторожила Царицу Евдокию. Она решила предпринять еще одну попытку и сама приехала ко Двору 18 февраля. Старица пробыла в Кремлевском дворце довольно долго и сочла нужным преподать внуку родительское поучение. Но это явно не понравилось молодому Государю, что было сразу же замечено придворными. Толпа вокруг Царицы Евдокии стала редеть... Старица Елена поняла, что большего она не получит.

24 февраля совершилось Коронование молодого Государя, бабушка Его, конечно, участвовала во всех церемониях и на торжествах, была на почетных местах, но после, сказавшись усталюю, затворилась в своих покоях и участия в жизни молодого Двора почти не принимала. Более того, ей наскучил постоянный шум и гул на кремлевских улицах, и она пожелала перебраться





в более тихий и отдаленный от кипучей правительственной жизни Кремля Новодевичий монастырь.

Казалось, ее время ушло безвозвратно. Но развитие событий сулило еще один всплеск внимания и интереса к последней Русской Царице. 19 января 1730 года скончался от простудной болезни Император Петр II. И об том написал в записках своих герцог Лирийский:

«Лишь только министры Верховного Тайного совета увидели, что Государь скончается непременно, то собрались во дворце со знатнейшими вельможами и стали рассуждать о наследовании Престола. Мнения разделились на четыре стороны:

Первая сторона была Долгоруковых, которые хотели возвести на Престол обрученную невесту Царскую..., однако, увидев, что противники их сильнее их, отказались от своего намерения.

Вторая сторона была Царицы, бабки покойного Царя, которой действительно предлагали Корону, но она отказалась под предлогом глубокой своей старости и болезней.

Третья сторона желала видеть на Престоле принцессу Елизавету дочь Петра I.

Наконец, четвертая сторона старалась о герцоге Голштинском, мать которого была старшей сестрой принцессы Елизаветы.

Но обе последние стороны были так слабы, что о предложении их даже не рассуждали».

О том, что кандидатура Царицы Евдокии Федоровны обсуждалась на заседании Верховного Тайного совета, известно и из других источников. Из мемуаров мы знаем, что в те дни у ворот Новодевичьего монастыря не раз останавливались роскошные экипажи. Но о чем говорили со старицей Еленой приезжавшие к ней вельможи, мы не узнаем никогда. А чем все кончилось, известно - на Всероссийский Престол вступила дочь старшего брата Петра I Императрица Анна Иоанновна.

Воцарение родственницы Царица Евдокия Федоровна встретила доброжелательно. На торжествах по случаю Коронации Она сидела в большом кресле с государственными орлами на почетном месте неподалеку от Императорского трона. После окончания церемонии новая Императрица подошла к ней, обняла и сказала: «Прошу, Ваше Величество, дружества ко мне. В моей же благодати к Вам беспокойства не питайте». Очевидцы утверждали, что обе Государыни прослезились.

В те дни Царица Евдокия Федоровна, кажется, в последний раз была при Дворе. О встрече с нею говорится в записках одной дамы, леди Ронда, которая приехала в Петербург с новой Императрицей из Курляндии:

«Она много говорила со мною, много сказала любезного





и звала к себе ко Двору. Вообще, как видно, Царица не забыла ни аристократической вежливости, ни приемов придворной жизни. Она несколько толста; но, несмотря на лета, на ее лице остались следы прежней красоты. Евдокия держит себя важно, величественно, но всегда вежлива и ласкова. Ее живые глаза проникают в сердце того, с кем она говорит...».

Последние месяцы своей жизни Царица Евдокия Федоровна провела в Новодевичьем монастыре, о чем до сей поры напоминают известные «Лопухинские палаты», что стоят в его стенах возле Северных ворот - самая богатая в архитектурном отношении постройка монастыря. Возводили ее, правда, не для Царицы Евдокии, а сорока годами ранее для дочери Царя Алексея Михайловича Царевны Екатерины. Но история сохранила за палатами прозвание «Лопухинских» - уж очень необычной для России была судьба несчастной Государыни. Жила она в комнатах парадного второго этажа, куда вела ныне не сохранившаяся наружная лестница. И венчала палаты тогда не скромная кровля, как сегодня, а устроенный на сводчатых потолках «верхний сад с гульбищем», окруженный парапетом. По его дорожкам гуляла 60-летняя Царица, поглядывая на монастырский двор и вспоминая свою нелегкую жизнь. В этих палатах, соединенных с храмом Преображения Господня и Лопухинской башней, 27 августа 1731 года и окончила свои земные дни последняя Русская Царица.

Евдокия Федоровна была не первой Русской Государыней, сведенной мужем с Престола и заточенной в монастырь. Так же поступил со своей бесплодной женой Соломонией урожденной Сабуровой Государь Василий III. Но его нельзя не понять - Русскому государству нужен был Наследник Престола. Сын Государя Василия III от второй жены Царь Иван IV Васильевич насильно отправил в монастырь четвертую жену свою бездетную Анну, урожденную Колтовскую.

Лишь один Царь Петр Алексеевич, преступив все Божеские и человеческие законы, насильно удалил от себя и постриг в иночество не просто Супругу свою, но и Мать Наследника Престола Российского.

Почему же поступил так Царь Петр? Думается, самый простой и самый верный ответ на этот вопрос дает Н.И.Костомаров:

«Историки пытались объяснить, что Евдокия не могла удовлетворить духовным потребностям Петра по своей узкости, закоренелости в предрассудках, приверженности к старине, богомольству, праздности и т.п., что гениальная натура великого преобразователя требовала чего-то иного, высшего, более развитого, нуждалась в такой женщине, которая могла бы его понимать, на что неспособна была дочь Лопухина... Нам кажется, ларчик проще открывается. Петр поступил так же, как





поступал обыкновенно русский удал добрый молодец, когда, по выражению песни, зазнобит ему сердце красна девица или «злодеюшка чужа жена» и станет ему «своя жена полынь горькая трава».

...Память о последней Русской Царице хранят и народные песни, записанные фольклористами, и название палат, где Она прожила последние годы, и портреты, правда немногочисленные, на которых запечатлена несчастная Государыня, и ее личные вещи в музеях Новодевичьего монастыря в Москве и Покровского монастыря в Суздале. Многие православные монастыри и храмы помнят ценные вклады Царицы Евдокии Федоровны. А над Яузой высится соборная церковь во имя Михаила Архангела Спасо-Андрониковского монастыря, построенная в конце XVII века Царицей на ее средства и на деньги других Лопухиных. Этот храм долгое время служил им родовой усыпальницей.

Однако, последняя Русская Царица обрела свой вечный покой не там. Ее тело погребли в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря, где и ныне, рядом с Царевной Софьей

Алексеевной, покоится прах Царицы Евдокии Федоровны Романовой, урожденной Лопухиной.

Б.П.Краевский

